

«У Хузангая надо учиться...»

Родившийся за десять лет до Октябрьской революции, «в пятидесяти верстах от железной дороги и водного пути до шестнадцати лет не видевший ни города, ни паровоза, ни парохода», Хузангай вырвался из чувашского села на городской простор, в новую жизнь. Казань. Учеба в чувашском педтехникуме. Первый номер литературного журнала «Сунтал» в Чебоксарах со стихами Педера Хузангая. «Сразу же после публикации моих пробных стихов меня заметили именитые поэты», - с благодарностью вспоминал он позже. Это были Григорий Алендей, Семен Эльгер и Семен Фомин. Но чтобы заговорить, во весь голос, молодому поэту необходимы были жизненный опыт и личные наблюдения. И восемнадцатилетний Хузангай переезжает в Чебоксары, работает в разных учреждениях, сотрудничает в журнале «Сунтал», пишет стихи. В это время у него зарождается дерзкая мысль - поехать по стране, увидеть все своими глазами. «В 1926 - 1927 гг. я совершил путешествие по Советскому Союзу, - пишет он в своей автобиографии. - Познакомился с разными народами. Из Ашхабада - через Каспийское море - добрался до Баку. Из Баку возвратился вдохновленный поэмой «Двадцать шесть».

На раннее творчество Хузангая большое влияние оказала поэзия очень популярного тогда русского поэта Сергея Есенина. В цикле восточных стихов чувашского поэта оно ощущается так сильно, что порой трудно отличить, что здесь от Хузангая, а что от Есенина. Но это была только учеба. Развивая дальше лучшие традиции поэзии К. Иванова и М. Сеспеля, поэт искал новые поэтические средства для выражения своих чувств. Позже П. Хузангай скажет: «Как поэт я имею много привязанностей и ценю общепризнанных мастеров слова Востока и Запада от Саади и Омара Хайяма до Гете и Байрона, но предметом

моей настоящей любви являются выдающиеся русские поэты. Мечтаю так же глубоко выразить сокровенные думы и чувства моего народа, как удалось это А. С. Пушкину и М. Ю. Лермонтову; стать настолько же чувашским поэтом, насколько русским был С. А. Есенин; хочу научиться с такой же непринужденностью соединять глубокий лиризм с революционным пафосом и гражданственностью, как это делал В. В. Маяковский».

Помня слова Луначарского о том, что «образованный человек это тот, который знает досконально все об одном и понемножку - обо всем», П.Хузангай поступает учиться в Восточный педагогический институт в Казани. Здесь, в этом городе, происходит его встреча с Владимиром Маяковским. Вспомним стихотворение «Казань» Маяковского:

Марш

ваш -

наш марш.

Я -

чуваш,

послушай, уважь.

Марш

вашенский

так по-чувашски...

23 января 1928 года в номере гостиницы «Казанское подворье» (ныне гостиница «Казань») с «агитатором, горланом-главарем» беседовали два будущих народных поэта Чувашии - Николай Шелеби и Педер Хузангай. После недолгого разговора Маяковский протянул им такую записку: «Товарищ Лавут! Прошу обязательно устроить чувашских писателей. Вл. Маяковский». В театре татарской оперы Хузангай слушал поэму Маяковского «Хорошо» в авторском исполнении. Возможно, что

именно этот памятный вечер подтолкнул его к созданию широких эпических произведений.

Уже через несколько лет из-под пера поэта выходят поэмы «Магнит-гора» и «Землеустройство». Известный чувашский литературовед профессор М. Сироткин отмечал, что в поэме «Магнит-гора» в поисках новых средств поэтической речи П. Хузангай, по примеру В. Маяковского, использовал свободный стих с многообразием ритмов.

Хорошей школой для оттачивания поэтического мастерства стала его переводческая деятельность. Диапазон ее столь широк, что нельзя не восхищаться масштабами творческой работы. Это поэма «В. И. Ленин» В. Маяковского, роман «Евгений Онегин» и поэма «Полтава» А. Пушкина, комедия «Горе от ума» А. Грибоедова, трагедия «Ромео и Джульетта» У. Шекспира, рассказы М. Горького, стихи советских и зарубежных поэтов. Неутомимый поэт П. Хузангай переводит на русский язык поэму «Нарспи» К. Иванова, стихи М. Сеспеля, С. Эльгера и других чувашских авторов. «У меня три родных языка, три родных народа, - говорил он. - Чувашский, русский, татарский».

Но в его жизни были и тяжелые периоды, незаслуженные обвинения в национализме. В январе 1938 года Хузангай был арестован и заключен в тюрьму. Поэт выдержал испытание - остался чист перед друзьями и никого не предал. В августе следующего года его признали невиновным и реабилитировали.

В годы Великой Отечественной войны поэт-воин прошел фронтовыми дорогами от Сталинграда до Польши. Урывками, между боями, он пишет стихи «Перед боем», «Клятва Волге», «Песня победителей», «Мицкевич», «9 Мая». Они, как и лирико-эпическая поэма «Таня», вошли в золотой фонд чувашской национальной поэзии. Тогда же поэт вынашивает замысел крупного произведения, над которым будет работать более десяти лет. Это роман в стихах «Род Аптрамана».

Через судьбу одного рода поэт как бы прослеживает исторический путь своего народа. Аптраман - в переводе означает неунывающий. Такими, никогда не унывающими, стойкими перед житейскими бурями и лишениями, крепкими, трудолюбивыми и жизнерадостными представляются герои произведения. Насколько П. Хузангаю удалось художественно обобщенное изображение главных черт национального характера, можно судить по примечательному факту: слова «Аптраман», «Мы из рода Аптраман» стали весьма популярными крылатыми выражениями.

В послевоенные годы П. Хузангай ведет большую общественную деятельность, не оставляя главного дела своей жизни. В 1950 году он удостоен звания народного поэта Чувашии. Его творчеству дан новый толчок - он пишет поэмы «Родина», «От зари до зари», «Свадьба в Выле». А сколько прекрасных стихов и чудесных сказок у него для маленьких читателей! Он часто встречался со школьниками и студентами, читал стихи - собственные и любимых поэтов, мог часами декламировать Пушкина, Маяковского, Есенина.

Особой любовью любил поэт Михаила Сеспеля. Он перевел на русский язык почти все его стихи. Благодаря стараниям П. Хузангая сеспелевская «Пашня Нового дня» зазвучала более чем на пятидесяти языках народов мира.

Послом дружбы и мира называли Педера Хузангая еще при жизни. Он был частым гостем в Болгарии, побывал в Венгрии, Польше, Чехословакии, Румынии, посетил остров Свободы Кубу, откуда вернулся с большой поэмой «Дальний полет». «Славно Вы как народный поэт служите Чувашии, всему Советскому Союзу, значит, и всему человечеству», - так высоко оценил активную деятельность П. Хузангая народный поэт Латвии, Герой Социалистического Труда Ян Судрабкалн.

«Чувавам есть чем гордиться и кем гордиться. Есть великолепная поэзия. И есть великолепный поэт. У Хузангая надо учиться утонченному, в то же время народному аристократизму в поэзии», - сказал о нем балкарский поэт Кайсын Кулиев.

Поистине хрестоматийным стало стихотворение П. Хузангая «Приглашение в Чувашию»:

Знаете ли вы страну такую,
Древнюю и вечно молодую,
Где в лесу тетерева токуют -
Словно песней сердце околдуют,
Где козь праздник - от души ликуют,
Козь работа - гору дай любую!

Знаете ли вы такой народ,
У которого сто тысяч слов,
У которого сто тысяч песен,
И сто тысяч вышивок цветет?
Приезжайте к нам - и я готов
Это все проверить с вами вместе.

Известный чувашский поэт В. Е. Митта, восторгаясь стихотворением П. Хузангая «Колыбельная», писал: «Не это ли чувашский язык, который мы любим и в который мы верим? Это и есть язык, о котором мечтал Сеспель. В маленьком стихотворении, как солнечные лучи в драгоценном камне, сконцентрированы и сбереженное издревле богатство чувашского языка, и сегодняшняя его красота, и мечты о будущем».

Педер Хузангай избирался депутатом Верховного Совета РСФСР и Верховного Совета Чувашской АССР. Ему присуждены Государственная

премия Чувашской АССР имени К. В. Иванова (1967) и премия Комсомола Чувашии имени М. Сеспеля (1969). Имя П. Хузангая занесено в Почетную Книгу Трудовой Славы и Героизма Чувашской АССР (1967). Он избирался председателем правления Союза писателей Чувашии, членом правлений Союза писателей СССР и РСФСР.

Умер поэт 4 марта 1970 г. и похоронен в г. Чебоксары. Его именем названы родное село Сиктерме в Республике Татарстан, улица и Дворец культуры текстильщиков в Чебоксарах.

 Был чародеем, что ли, Хузангай,
 Когда он, слово к слову подбирая,
 Как будто говорил себе: вникай
 В созвучие лирического рая.
 Он был, конечно, истинный чуваш
 И скромностью, и щедростью, и делом.
 Родное слово как посланник наш
 Достоинно нес в далекие пределы.